

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию
Чаркина Владимира Владимировича
«СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В ПОЭЗИИ
С.Я. НАДСОНА»,

представленную в диссертационный совет Д 212.183.02 на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Сумевший заметно сверкнуть на ярчайшем небосклоне русской поэзии Семён Яковлевич Надсон, несомненно, должен заслуживать пристального внимания исследователей отечественного поэтического слова. Да, его трудно причислить к первостепенным величинам, но тогда почему и при жизни, и спустя тридцать лет после кончины юноша-поэт был известнее и популярнее тех, кто в нашем сознании давно и непререкаемо обрёл статус классиков? Почему Маяковский в своём знаменитом «Юбилейном» именно его попросил подвинуться, чтобы приблизить себя к Пушкину? Немало ещё подобных «почему» возникает при обращении к творчеству, да и к имени, разумеется, этого весьма примечательного для российской словесности автора.

В далёком от нас 1900 году Пётр Петрович Перцов, замечательный русский литератор-журналист, на страницах «Нового времени» поместил весьма любопытную статью о литературных кумирах молодежи, С.Я. Надсоне и Д.И. Писареве, в которой поделился такими небезынтересными, основанными на фактических данных, размышлениями, связанными со статистикой надсоновских изданий: «Всего за 15 лет разошлось его книги 87,100 экземпляров. Что-то неслыханное в нашей литературе! Сперва напечатали издание по 6,000 экземпляров (и то казалось очень крупным), потом стали печатать по 12,000. Самые издания стали выходить чаще и чаще, т. е. успех не уменьшался от времени, как можно бы надеяться, а возрастал. Предел насыщения русской публики Надсоном, очевидно, всё ещё не достигнут и когда будет достигнут – неизвестно. Это – успех в нашей поэзии, не имеющий себе прецедента. Пушкин и Лермонтов имеют, конечно, больше читателей, чем Надсон, но возьмите разницу во времени – в сроке, так сказать, их действия, затем гигантскую разницу в авторитете, во влиянии на литературу и через неё уже непосредственным путём на общество. Сколько покупателей приобретают Пушкина и Лермонтова лишь как «интеллигентную» подробность домашней обстановки, как расписные тарелки или маккартовские букеты. Надсона покупают только чтобы читать; покупают помимо всякой внешней репутации, помимо литературного эха и даже несколько вопреки ему. Он имеет преданных, самоотверженных читателей, и только таких почти и имеет» (Перцов П. Попутные заметки. Кумиры молодости // Новое время. 1900. 13 (26) дек. № 8908. С. 8).

Тема диссертационного исследования, предпринятого В.В. Чаркиным, несомненно, является **актуальной** и заслуживает всяческого одобрения. С.Я. Надсон выступил выразителем общественного самосознания «эпохи безвременья». Биографические рамки его жизни и судьбы становятся знаками исторической судьбы его современников. Исповедальный и автобиографический характер стихотворений Надсона в этом смысле имел весьма существенное значение. Они подготовили читателя к восприятию личной судьбы поэта в ключе исторической эпохи, во многом обусловили его огромную популярность у молодого поколения России. Разобраться же в причинах прижизненной и многолетней посмертной популярности С.Я. Надсона не в последнюю очередь помогает обращение к поэтике его творчества, а попытка подробно и основательно рассмотреть разнообразные, несводимые к общему знаменателю способы выражения авторского сознания в его многогранном и разностороннем поэтическом творчестве в этой связи представляется не только важной вехой в осмыслении наследия поэта, но и новым серьёзным, самостоятельным и перспективным подходом в изучении надсоновского стихотворного наследия.

Обратившись к явно недостаточно изученной теме, связанной с весьма сложными поисками, находками и обретениями на уровне поэтики стихотворного произведения, диссертант продемонстрировал необходимые историко-литературные и теоретические познания, а также исследовательские навыки, за счёт чего обнаруживается **научная новизна** и **самостоятельность** предложенных наблюдений, суждений и выводов.

Меня, как оппонента, практически во всём убедила интересно и почти безупречно стилистически выстроенная первая глава, оба её параграфа, но прежде всего первый – «Лирический субъект как семантический центр стихотворений С.Я. Надсона». Здесь представлен умело композиционно составленный, раскрывающий и открывающий многообразие специфических тем и своеобразных мотивов надсоновской лирики, демонстрирующий филологический вкус и исследовательское чутьё по-настоящему добротный и убедительный анализ очень разных по поэтическим задачам и авторскому настроению текстов. Должен признаться, правда, что «лирического субъекта» я для себя без труда опять перекалфицировал в «лирического героя», а «субъектно-адресатные формы» для меня стали ассоциироваться с «лирическим адресатом». Немало интересного и содержательного обнаруживается и во второй главе – «Особенности нарратива в поэзии С.Я. Надсона». Эта часть работы наглядно демонстрирует не только возможности и умение В.В. Чаркина независимо и оригинально мыслить, логично и наглядно интерпретировать поэтическое высказывание, но и безусловное владение на должном уровне необходимой источниковедческой теоретико-литературной базой, связанной с рассматриваемой проблемой.

Мои замечания и вопросы, которые сознательно предложены вперемешку, носят по большей части уточняющий характер и прежде всего касаются историко-литературных фактов и критико-библиографических данных – того, так сказать фундамента, без которого ни одно выстроенное

здание литературной теории или самых оригинальных умозаключений поэтики не устоит.

Нельзя не заметить, что В.В. Чаркин является убеждённым поборником широко распространяющейся ныне и в литературоведческой среде избыточной, порой, на мой, разумеется, субъективный взгляд, появляющейся ради некой наукообразности филологической речи. Хотелось бы поэтому прояснить и уточнить суть некоторых из встречающихся в диссертации терминологических конструкций: прономинализация (трудно выговариваемое слово!) прямая и дистанцированная; «аукторальный нарратив»; «амебейная структура» (С. 55); «танатологические мотивы» (С.58) – причём здесь медицинская терминология (так можно прийти и к реанимационным мотивам, и к мотивам эвтаназийным); «автокоммуникативная лирика» (С.85).

Автор убеждает в корректности понятий «нарратив в лирике» [при этом следует авторская оговорка о «некоторой противоречивости представлений о нарративе» (С.26)] и «лирический нарратив». В связи с этим всё же требует пояснений 6-й пункт из положений, выносимых на защиту. Ведь получается, что «нарративная лирика С.Я. Надсона», т. е., иначе говоря, повествовательная лирика, характеризуется «уровнем дистанцированности» автора «от воспроизводимого события» (с. 31). Наверное, такая мысль понятна по отношению к поэме, балладе, стихотворному рассказу, но возникает вопрос: как это может проявляться по отношению к сугубо лирическому началу, т. е. на авторе, заикленном на совпадающем с ним биографически лирическом герое («лирическом субъекте», по терминологии диссертанта) и адресате-друге, которого он не случайно называет братом, вне постоянного и нарочитого обращения к которому надсоновская лирика не существует?

Коль скоро во «Введении» автор абсолютно справедливо раскрывает псевдонимы литературных критиков, писавших в разное время о Надсоне (Н. Гриневич – Пётр Филиппович Якубович; М. Неведомский – Михаил Петрович Миклашевский; В. Львов-Рогачевский – Василий Львович Рогачевский; замечу попутно, что на С. 69 неверно указано отчество Николая Максимовича Виленкина – Николаевич, под псевдонимом «Николай Николаевич Минский», между прочим, и не выступавшего), то вполне уместно было бы сказать на С.5 и о том, что К. Говоров – псевдоним поэта и активно выступавшего в печати литературного критика Константина Петровича Медведского, о котором имеется специальная статья (авторы – Е.Н. Петухова и А.В. Чанцев) в третьем томе биографического словаря «Русские писатели. 1800 – 1917» (М.: Большая Российская энциклопедия: ФИАНИТ, 1994. С. 559–560). Кстати, это пока незаконченное, но уже успевшее обрести статус классического литературоведческого труда издание в диссертации, к сожалению, даже не упомянуто. Соответственно не учтённой оказалась и весьма примечательная пространная статья А.А. Илюшина и К.М. Поливанова о Надсоне (Т. 4: М-П. М., 1997. С. 213–216).

Вызывает некоторые вопросы «Список использованной литературы».

Мне, в частности, не хватило нескольких значимых изданий стихотворений поэта, появившихся во второй половине двадцатого столетия, снабжённых интересными предисловиями и комментариями, касающимися, в том числе, и затронутых в диссертации вопросов, например, таких: Надсон С.Я. Стихотворения / сост., вступ. ст. и примеч. Е.В. Ивановой. М.: Советская Россия, 1987. 336 с. (Поэтическая Россия); Надсон С.Я. Избранное / сост. и примеч. Л. Пустильник. М.: ТЕРРА, 1994. 496 с. Удивило, почему авторитетнейшее на нынешний день издание – Надсон С.Я. Полное собрание стихотворений / вст. ст. Г.А. Бялого, подг. текста и примеч. Ф.И. Шушковской. – СПб.: Академический проспект, 2001. 512 с. – приписано к уже не выходящей к тому времени серии «Библиотека поэта. Большая серия» (да и издательство «Советский писатель», где она выпускалось было уж десять лет как ликвидировано), тогда как оно появилось в серии «Новая библиотека поэта». Не обнаружился в списке литературы и классический библиографический труд «История русской литературы XIX века» под редакцией К.Д. Муратовой (М.: Изд-во АН СССР, 1962).

Если говорить об оформлении диссертации, то в некоторые очевидные претензии можно предъявить к употреблению в отдельных случаях не совсем точных условно-разделительных знаков между элементами библиографического описания и правил написания слов и их сокращений, порой несколько выбивающихся из существующих ныне правил в использовании так называемых УРЗ.

И ещё на один момент обращаю внимание. Я всё же не рискнул бы констатировать, как это делается в «Заключении» диссертации на С. 205: «Проведённое исследование даёт возможность утверждать, что творчество С.Я. Надсона находится на заключительной стадии изучения литературоведением». И дело не только во влиянии его наследия на названных в работе поэтов (к ним можно добавить и С.Г. Фруга, Ф.А. Червинского, П.Ф. Якубовича, Н. Минского, Д.С. Мережковского). Почти неизученной остаётся тема «Личность и творчество С.Я. Надсона в русской литературной критике». Думается, и проблемы поэтики Надсона ещё не раз будут привлекать к себе исследовательское внимание.

Впрочем, высказанные замечания ни в коей мере не отменяют актуальности и научной ценности, не влияют на значимость диссертационного исследования В.В. Чаркина, его достоверность и новизну, не опровергают моего сугубо положительного отношения к нему.

Результаты труда В.В. Чаркина, обоснованно сформулированные выводы и рекомендации имеют несомненную теоретическую и практическую значимость для литературной науки и для преподавания литературы. Они могут быть использованы в вузовских лекциях и практических занятиях как по истории русской литературы последней трети XIX века, так и по теории литературы. Исследование может оказаться интересным и при подготовке специальных курсов для гимназий и лицеев с углублённым изучением литературы.

Научные положения и выводы, изложенные в автореферате и 12 публикациях (4 статьи опубликованы в рецензируемых изданиях, включённых в реестр ВАК РФ), в полной мере отражают проблематику и содержание работы.

Представленную к защите диссертацию В.В. Чаркина следует признать законченной самостоятельной научно-квалификационной работой, соответствующей критериям, установленным пп. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, а ее автор, Владимир Владимирович Чаркин, заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Официальный оппонент, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского» 410012, г. Саратов, Астраханская, 83. Тел. (каф.): 8 (8452) 21-06-36; электронная почта: literzhum@info.sgu.ru, igor.knigin2012@yandex.ru

04.12. 2017 г.

Книгин Игорь Анатольевич

